

Наталья ЕЛИЗАРОВА

ВРЕМЯ СВИНЦОВЫХ ДОЖДЕЙ

Пьеса в одном действии

Действующие лица

Он (Александр) – молодой человек 20-ти лет.

Она (Вероника) – девушка 20-ти лет.

Отец Александра.

Доброволец (Спартак)

Девушка-снайпер (Лиса)

Двухсотый

Девочка

Старуха

На сцене оборудовано устройство для видеотрансляции.

Сцена 1

Комната в благоустроенной квартире. За стеной слышатся обрывки из новостных блоков включенного на всю мощь телевизора: «На Южно-Донецком и Запорожском направлениях ударами авиации поражены подразделения ВСУ в районах населённых пунктов Угледар и Новомихайловка. Общие потери противника составили свыше 50 военнослужащих...», «Артиллерийские подразделения украинских вооружённых сил ведут прицельный огонь по жилым кварталам Донецка. Только за минувшие сутки было выпущено более двухсот снарядов, в результате чего восемь мирных жителей погибло, четырнадцать ранено...», «Министерство обороны США опубликовало список вооружения, которые отправятся на Украину в рамках нового пакета военной помощи...», «Ввод военного контингента НАТО на территорию Украины может спровоцировать начало третьей мировой войны...».

Он. (ходит по комнате со смартфоном в руках и безуспешно пытается набрать номер – идёт гудок, на звонок не отвечают). Ну же, ответь, ответь!.. Да возьми же ты трубку, наконец!

Она. Алло...

Он. Слава богу!.. Привет!

Она. Привет.

Он. Я тебя от чего-то отвлекаю?

Она. Нет.

Он. Точно не отвлекаю? Ты постоянно пропадаешь.

Она. Плохая связь.

Он. Что? Не слышу!

Она. Здесь очень плохая связь. И я не могу долго говорить...

Он. Что? Повтори, я тебя плохо слышу!

Она. Я не смогу с тобой долго разговаривать.

Звонок прерывается.

Он. Да вот же чёрт! *(набирает номер – на звонок не отвечают)*

Звук за стеной усиливается: «Стартовали крупномасштабные манёвры США и Южной Кореи по высадке морского десанта. Они пройдут впервые с 2018 года. Задействовано около 30 кораблей, не менее 70 самолётов и вертолётов...».

Он. Давай же, давай, ответь! *(долгие гудки перемежаются с обрывками телевизионной новостной ленты: «Китай выступает за решение конфликта на Украине путем переговоров и недопущение односторонних санкций...»)* Да чтоб вас там!.. *(Кричит)* Э, глухие, чё у вас так ящик орёт! Нельзя потише сделать?! Какой-то кошмар просто! Достали уже!

Звук телевизора убавляется.

Она. Алло... Слушаю...

Он. Ну, наконец-то! Не пропадай больше, ладно?

Она. Постараюсь.

Он. Ты не сказала, как тебя зовут?

Она. Вероника.

Он. Это твоё настоящее имя? Ну, ты знаешь, в сети обычно все под никами. Поэтому уточняю на всякий случай.

Она. Настоящее. А тебя как?

Он. Меня – Саня. У меня там в профиле написано – «Крутой мачо». Ну, это, в общем, не имя.

Она*(улыбается).* Я догадалась. Красивое имя – Александр – с греческого значит защитник.

Он. Ну, типа того.

Она. Откуда ты, Саша?

Он. Я из Москвы. А ты?

Она. Из Донецка.

Он. Откуда говоришь? Из Донецка? В смысле – из того самого Донецка? Но там же... вроде бы...

Она. Война.

Он. Я слышал, там очень опасно. Почему ты там остаёшься? Разве нет возможности уехать? Многие смогли эвакуироваться, перебраться в безопасное место...

Она. Не могу.

Он. Почему не можешь? Есть специальные программы по переселению... я где-то в Интернете видел инфу. Беженцам помогают... Нет, я серьёзно. Надо просто взять и уехать! Ты не можешь там оставаться.

Она. И я серьёзно. Куда я поеду?

Он. Да хотя бы к нам. В Россию.

Она. Я живу в России, Саша.

Он. Да, само собой... Я хотел сказать – в безопасный регион.

Она. Мой дом здесь, на Донбассе, здесь у меня мама похоронена, бабушка...

Он. Они погибли?

Она. Их не стало вскоре после начала войны. У бабушки слабое сердце было. Во время одной из бомбёжек оно просто не выдержало. Мама тогда ещё сказала, что, может, это и к лучшему – хоть не будет видеть весь этот кошмар.

Он. А что стало с ней?

Она. Она работала фельдшером в больнице. Машину скорой помощи, на которой они везли раненых, расстреляли из «Града».

Он. Жесть!

Она. Я чувствовала, что в тот день должно что-то случиться... Знаешь, бывает такое тревожное, ноющее чувство – оно грызёт тебя прямо изнутри – ты ничего объяснить не можешь – но не находишь себе места... Я постоянно живу с этим ощущением. Иногда оно затихает, иногда – прорывается. Но полностью не уходит... Я не хотела её отпускать. Она сказала: «Не бойся, Никуша, я обязательно вернусь». И ушла. И не вернулась... Я видела в Интернете фотографию машины, на которой ехала их медицинская бригада... точнее того, что от неё осталось – удивительно, если бы в ней кто-то уцелел.

Он. Всё, что ты говоришь – это какой-то жуткий треш!.. У тебя, кроме них, ещё есть родственники? Или ты целый год живёшь одна?

Она. Год?.. Бабушка умерла в четырнадцатом, мама – в шестнадцатом.

Он. О!.. Просто ты сказала – в самом начале войны – и я подумал...

Она. Я понимаю, о чём ты подумал. У каждого из нас своё представление о начале... Да, у меня есть родня. В Киеве.

Он. Дальняя?

Она. Не совсем. Точнее, по крови – не дальняя. А так – даже не знаю. Мы не роднимся.

Он. Из-за того, что происходит на Украине?

Она. Да.

Он. Может, помириться?

Она. А мы и не ссорились. Просто поняли, что чужие друг другу, хоть и родственники. Это мамина родная сестра. Когда я была маленькой, она каждое лето с семьёй приезжала к нам, или мы к ним ездили... Я даже втайне хотела, чтобы именно она была моей матерью. Моя-то строгая такая была, жёсткая. Всё время на работе. Лишний раз не приласкает. А тётя Галя – своя в доску, весёлая, заводная, с шутками-прибаутками... Когда нас каждый день стали бомбить, я посылала ей фотографии: нашу школу сгоревшую, исковерканную воронками улицу, разрушенные жилые дома... А она прислала в ответ сообщение: «Ника, детка, не надо мне всё это присылать. Про политику, пожалуйста, не пиши. Мы вне политики. Пиши только о себе, маме и бабушке. У нас и так у всех сердце болит, переживаем, поэтому не надо политики». А я и не писала ни про какую политику. Я ей как раз и писала про нас. Как квартиру всю посеколо осколками. Как страшно кричала женщина, у которой оторвало ногу. Как прямо напротив наших окон несколько дней лежало чьё-то тело, накрытое тряпкой, и его никто не убирал...

Он. Жесть какая!..

Она. После этого стали общаться по минимуму: на праздники поздравим друг

друга – и хорошо... Когда мама погибла, тётя Галя хотела забрать меня к себе. Сказала: «Приезжай, ты не чужая, места всем хватит. Только не говори никому, что ты из сепаров. И что мать твоя на них работала не говори. Иначе дорога в Украину тебе закрыта». Я сказала: «Моя мать людей спасала, а её убили ваши солдаты». А она раскричалась, мол, «наши солдаты мирное население не трогают. Тебя пропагандой перекармлили»... Слово это дурацкое ненавижу – «пропаганда»! Причём здесь пропаганда, у меня что, собственных глаз нет?..

Он (поспешно). Я тоже ненавижу пропаганду. Ничего не читаю и ничего не смотрю! Принципиально!

Она. Она твердила, что я не знаю всей правды. Что если бы я понимала, кто на самом деле развязал эту войну, то так бы не говорила. А я сказала, что знаю главное – по чьей вине стала сиротой. После этого пришла эсэмэска: «Не пиши нам больше». С тех пор как обрубил – никаких контактов... Нет, я не одна. Я живу с маминной подругой – Леной, она удочерила меня, и с её маленькой дочкой. Сыновья и муж Лены воюют. Живём у меня: их квартиру разворотило во время прилёта, а у меня только стёкла повывлетали. Мы окна фанерой забили – и живём. С нами ещё две семьи, они тоже лишились дома.

Он. Тесновато, наверно?

Она. Да нет, нормально. Когда рядом кто-то есть – не так страшно.

Он. А твой отец не жил вместе с вами?

Она. Отец погиб, когда мне было четыре года. Несчастный случай на производстве. Он был шахтёром.

Он. Да уж... Слушай, я тоже не очень хорошо разбираюсь в политике. И не собираюсь никого судить – кто виноват, кто прав. Этим пусть занимаются парни на ТВ. Я далёк от политики. Это такое грязное дело, если не хочешь замараться – лучше всю эту беду вообще не трогать. Я просто знаю одно – это большой риск там оставаться. Вот я бы на твоём месте – точно не остался!

Она. Да не хочу я беженкой быть, Саша, как ты не понимаешь! Здесь я на своей земле... Конечно, многие уехали. Кто-то – навсегда, кто-то вернулся потом, как поспокойнее стало. А я никуда не поеду, я это твёрдо для себя решила. Что может быть страшнее того, что я уже пережила?

Он. Ты что, совсем не боишься смерти?

Она. Почему не боюсь? Очень боюсь. Но ещё больше я боюсь увидеть, как в мой дом входят вооружённые люди с сине-жёлтыми нашивками на рукавах...

Эта братия очень любит вываливать в Интернет свои подвиги. Наверное, селфи на фоне руин и оставшихся после взрывов трупов им кажутся брутальными... Когда вижу подобные снимки, всегда думаю об одном и том же: кто-то из них убил мою мать.

Он. Его, может быть, и самого уже в живых нет. Их каждый день прилично косит.

Она. Возможно. Скорее всего.

Он. Слушай, пусть я буду выглядеть редким занудой в твоих глазах, но я всё равно скажу... Чёрт! Я тебя почти не знаю, мы так мало знакомы, но мне не доставит никакой радости увидеть твоё имя в списке погибших в результате какого-нибудь обстрела.

Она. Ты его и не увидишь. Людей каждый день гибнет так много, что вспомнить всех поимённо просто невозможно.

Он. Я беспокоюсь за тебя, понимаешь?

Она. Знаешь, у нас, в Донецке, существует такое выражение – «свой снаряд» всё равно не услышишь, а чужого бояться не стоит... Не беспокойся, Саша. Раньше тяжелее было. Мы всё время сидели в подвале. Выходить на улицу было нельзя, можно было только подойти к двери, чтобы немного подышать воздухом. Всё взрывалось. В любой момент мы могли оказаться под завалами. А сейчас стало полегче.

Он. Меньше стреляют?

Она. Нет, не меньше. Просто привыкли уже.

Он. Разве к такому можно привыкнуть?

Она. Когда стреляют каждый день, наверное, можно.

Он. Я не хочу, чтобы стреляли там, где ты.

Она. А я не хочу, чтобы стреляли вообще. Нигде в мире...

Он. Знаешь, мы в третьем классе писали сочинение «Что нужно сделать людям, чтобы на земле никогда не было войны». Или что-то в этом роде, сейчас уже дословно не помню тему.

Она. Правда? Мы тоже писали такое сочинение. И что ты написал?

Он. Да глупость какую-то написал – что все должны быть добрыми и любить друг друга.

Она. Почему глупость?

Он. Да потому что наивняк. Для третьеклассника сойдёт, но такое ведь невозможно.

Она. А представь, если бы это было возможно. Вот было бы здорово!

Он. Ну, не знаю. Наверное, только в книжках такое и можно представить, а в жизни так не бывает... А ты что написала в своём школьном сочинении?

Она. Я написала, что у войны есть родная сестра – это Смерть. И что я их обеих боюсь... Это было так давно, как будто в другой жизни.

Он. Чем ты занимаешься в то время, когда не прячешься в бомбоубежище?

Она. Я работаю в гуманитарном центре. Мы развозим воду и продукты одиноким старикам.

Он. У вас такая ранняя весна? Я слышу, как грохочет гром.

Она. Это не гром... Извини, я не могу больше разговаривать. Мне надо идти.

Он. Подожди, не отключайся! Одну минуту, пожалуйста!.. Выйди на связь, как будет возможность. Я буду ждать! Ты меня слышишь?.. Я тебя не слышу!.. Алло! Алло!..

Сцена 2

В комнату входит отец.

Отец. Не вижу, чтобы ты готовился к экзаменам.

Он. Пап, я готовлюсь.

Отец. Послушай меня, сын, это не игрушки. Завалишь экзамены – в армию загремишь! Сейчас такая сложная обстановка. Ты что, не понимаешь, чем это может грозить?

Он. Папа, я всё понимаю. Я не идиот, чтобы идти в армию.

Отец. Я очень надеюсь на твоё благоразумие. И на то, что ты наконец-то возьмёшься за ум и сядешь за учебники. В противном случае...

Он. Ради бога, не начинай сначала! Каждый день одно и то же – «выпрут из университета, отправишься в казарму» – ну хватит, папа, в самом деле, сколько можно?! Ты меня за дебила, что ли держишь?

Отец. Если ты думаешь, что тебя кто-то будет держать в университете просто за красивые глаза, то ошибаешься, дружок! Мне и так стоило больших усилий запихнуть тебя на бюджетное место...

Он. Ой, спасибо большое, я тебе по гроб жизни за это обязан!

Отец. Не паясничай! Я знаю, что тебе наплевать на нас с матерью, но подумай хотя бы о себе! Если у тебя нет ответственности перед семьёй, то хотя бы инстинкт самосохранения должен работать!

Он. Не беспокойся, у меня работает инстинкт самосохранения.

Отец. Прекрасно, коли так. Но тогда начни, наконец, готовиться к экзаменам. Очень тебя прошу!

Он. А ты телек свой выруби! Он у тебя горланит с утра до ночи – бу-бу-бу, бу-бу-бу – я не могу сосредоточиться... А что там, кстати, происходит?

Отец. Где – «там»?

Он. На Донбассе.

Отец. Не забивай себе голову ненужной информацией.

Он. Нет, правда, пап, как там? Всё совсем плохо?

Отец. Пока ты здесь – тебя это не касается. Но может коснуться, если завалишь сессию!

Он. О, боже, опять! Ну сколько можно, а, в самом деле?!

Отец. Да, опять! Ты думаешь, мне доставляет удовольствие вдавливать в твою голову прописные истины?! Все эти годы я и так был более, чем лоялен – компании, вечеринки, развлечения – пожалуйста! Я не лез в твою жизнь. Но сейчас ситуация изменилась. И безрассудное поведение может выйти боком!

Он. Пап, пап, ладно! Я всё понял!.. Как ты думаешь, а это всё – надолго?

Отец. Что – «это»?

Он. Ну, то, что на Донбассе.

Отец. Это сложно объяснить, сынок... это политика... Да тебе и не надо в это вникать. Твоя задача – не подставиться. Проскочить между струйками, понимаешь?

Он. Не совсем. Как можно пройти между струйками – в ливень – и не намочнуть?

Отец. Ну, ливень, сам знаешь, такое дело: в одном районе города потоп, а в другом – сухо... Тебя это не коснётся, не беспокойся. Если что – я подстрахую, не вопрос. Кое-какие связи у меня остались. Но и ты меня не подводи. Прощу, отнесись посерьёзнее к учёбе. Договорились, сынок?

Он. О'кей.

Отец. Вот и хорошо. Теперь – спать! А с утра пораньше – за конспекты. Времени до экзаменов совсем мало. Ты меня понял?

Он. Понял.

Отец. Спокойной ночи! *(выходит из комнаты)*

Сцена 3

Он (вслед, раздражённо). Достал уже своим занудством! Каждый день одно и то же... «Александр – защитник с греческого». Это она – про меня. Какой с меня защитник? Нет, я, конечно, не трус! И я бы заехал по физиономии любому, кто назвал бы меня трусом. Да-да, за мной бы не заржавело. Подозреваю, что на мне бы и форма военная хорошо сидела... бронжилет, берцы, каска и всё такое... *(Прохаживается по комнате с воображаемым пистолетом, прицеливается)* Нет, форма бы мне определённо пошла! У меня выправка есть. Это наследственное. Дед был военным. Вот в ком порода чувствовалась! Китель цвета хаки, брюки с красными кантами... Представить его в ненаглаженной форме или грязной обуви – немыслимо. Дед сам утюжил на брюках стрелки, а ботинки начищал каждый день гуталином до зеркального блеска. Бабуля, помнится, всегда говорила: «Настоящим мужчинам форма к лицу». Мне бы точно – самое то было в форме – даже без вопросов!.. *(прохаживаясь по комнате, делает селфи)* Но становиться военным – нет уж, увольте... Дед, конечно, мечтал, чтобы продолжили его династию. Сначала он возлагал надежды на отца. Потом, когда с отцом ничего не вышло, переключился на меня. Всё внушал – что это престижно и почётно. Что настоящий мужчина, если возникнет необходимость, всегда должен встать на защиту своей Родины. Но ему легко было рассуждать – тогда и время было другое, мирное. Посмотрел бы я на него сейчас. Вот то-то и оно! Одно дело разглагольствовать, когда на линии огня нет никого из твоих близких, и совсем другое, когда война – вот она, рядом, нос к носу – сидит, смотрит на тебя и ухмыляется: «Ну что, милоч, пойдёшь кормить червей? Очень они тебя заждались»... Я, конечно, не трус. Но всё это так нелепо, бестолково и, главное, совершенно бессмысленно... Чёрт! И почему мы не могли познакомиться с Вероникой на какой-нибудь тусовке, или на пляже... Да хотя бы в кафе. Или в кино! Сходили бы на какую-нибудь голливудскую фигню, посмотрели бы, как какой-нибудь Брэд Питт спасает мир от зомби. Я бы проводил её домой. И если бы по пути к нам пристало хулиганье – уж я бы смог её защитить – так бы их отделал, мать родная не узнала! Пятый угол бы у меня искали!.. Почему она – там, а я – здесь?! Надо, чтоб и она была здесь, в безопасности. Нужно вытащить её оттуда во что бы то ни стало! Иначе она там просто погибнет. Как вообще столько лет можно жить в городе, где без конца стреляют? Где нет электричества? Где Интернет работает с перебоями? Я бы без Интернета точно не смог! Это ж вся жизнь мимо – ни пост не выставить, ни фотку не лайкнуть? Разве это жизнь? Это не жизнь, а какое-то прозябание. Сколько бы я смог продержаться без Интернета? Пару часов от силы. Явно не больше. Как можно, не пойму, в таких условиях выживать! Это просто чудовищно!.. Надо как-то её убедить... Она неглупая девчонка, должна же она прислушаться к разумным аргументам. У неё совсем нет никакого резона там оставаться. Ещё бы близкие были живы, хоть как-то было бы понятно, а так – ради чего? Ради посторонних людей? Ну убьют тебя вместе с ними – и кому от этого будет легче? Первый раз встречаю такого человека, ей-богу!

Сцена 4

Он (набирает номер телефона – идут длинные гудки). Давай же, возьми трубу!

Она. Алло... Алло...

Он. Вероника!.. Эй, Вероника, ты меня слышишь хорошо?

Она. Да, слышу тебя. И вижу.

Он. Как ты?

Она. В порядке. За сегодняшний день уже четвёртый раз обстреливали. Наш дом цел, слава богу, обошлось.

Он. Послушай, это сегодня – обошлось, а что будет завтра? Я понимаю, ты не хочешь уезжать, что это твой родной город, но какой смысл оставаться там, где одни руины? Что там спасать?

Она. Знаешь, иногда мне кажется, что те, кто по нам стреляют, именно этого и добиваются – превратить наш город в руины, чтобы не осталось ничего, кроме выжженной земли. Донецк был такой красивый – и во что его превратили! Не осталось ни одного квартала, который бы не пострадал от обстрелов. Некоторые многоэтажные дома нужно сносить целыми улицами – там просто нечего восстанавливать: стоят пустые каркасы, горы битого шифера, бетона и кирпича.

Он. Да, мне попадались фотки – это просто апокалипсис!

Она. К счастью, некоторые здания удаётся спасти. У нас несколько раз обстреливали краеведческий музей. Чем он не угодил, непонятно. Это ведь не вооружённая цель или как-то важный стратегический объект, чтоб по нему снарядами бить...

Он. Согласен. Резона особого нет.

Она. Этот музей я с детства люблю. Моё самое яркое детское воспоминание о краеведческом – скелет мамонта. Помню, он меня просто потряс – такой огромный, мощный, монументальный! В тот момент я ещё не знала, что древние слоны, действительно, существовали и давным-давно исчезли с лица земли. Мне казалось, это просто какие-то сказочные персонажи... Когда узнала, что музей подвергся бомбёжке, первая мысль была о мамонте, представляешь? Подруге сказала, она удивилась: «Чудная ты, столько людей каждый гибнет, а ты про какого-то мамонта думаешь». Может, это и глупо с моей стороны. Но они вымерли более 10 тыс. лет назад, и то, что наш музей имеет такой удивительный экспонат – это какое-то чудо. И вот представь, какой-то вандал в камуфляже так просто, от нечего делать, одним ударом берёт – и убивает этого мамонта дважды.

Он. Сильно пострадал?

Она. Не пострадал совсем, целёхонек! Полностью разгромили экспозицию о природе Донбасса. А мамонта не зацепило...

Он. Рад за него.

Она. Ты не понимаешь, не в мамонте дело... Как тебе объяснить?.. Для меня он – частичка из мирной жизни... когда все были живы и всё было хорошо...

Он. У каждого человека есть приятные детские воспоминания. По-моему, это естественно.

Она. Пойми, я успела хотя бы немножечко пожить в мирном времени, и именно поэтому оно сохранилось в памяти. А многие дети на Донбассе мирной жизни вообще не застали. И у них приятных воспоминаний о детстве не будет. Так что мне, можно сказать,

повезло. Я захватила время, когда могла идти по улице и не искать машинально глазами укрытие на случай, если начнётся обстрел...когда не чувствовала себя мишенью... когда не пугала обычная гроза...

Он. Когда услышал, как у тебя там загрохотало, тоже так сначала подумал – гроза.

Она. А теперь представь, что маленькие детки здесь, на Донбассе, слышат эти звуки каждый день. И знают, что это не гроза! Что нужно бежать и прятаться...

Они уже даже не паникуют. А просто берут одеяло, отходят в безопасный угол, ложатся на пол и этим одеялом накрываются, чтобы разбитое стекло их не поранило. Здесь дети рано взрослеют... Но самое страшное даже не это. Самое страшное то, что они привыкли к таким будням. Привыкли спать в наушниках, когда работает ПВО. Привыкли к мешкам с песком на окнах вместо горшков с цветами. К тому, что воду включают на два часа один раз в несколько дней... Нет, Сашенька, у них будут совсем другие воспоминания о детстве. Они будут вспоминать, как сидели зимой по несколько недель без тепла и света, а температура была чуть выше нуля. Как спрашивали у своих матерей: «Мамочка, а умирать – это больно?» – а те лишь плакали в ответ. Такие у них будут воспоминания!

Он (*мрачно*). И так восемь лет?

Она. Уже девятый...

Он. Так не должно быть.

Она. Конечно, не должно быть... Вот скажи, Саша, только честно, – ты о чём мечтал в детстве?

Он. Чтобы школа сгорела, конечно же!.. Гм... чёрт!.. Надо же, ляпнул!.. Ну, не то что бы я мечтал именно об этом... Понимаешь, мы переехали в новый район... В новой школе меня никто не знал, я там как изгой стал... Ещё папаша мой такой дотошный, любому мозг вынесет. Всё чего-то требовал с меня... В общем, даже вспоминать не хочу – отрубил и досвидос!

Она. Сочувствую тебе. Странно, что у тебя не было школьных друзей. По-моему, ты неплохой парень... А вот на Донбассе ребяташки мечтают пойти в школу.

Он. Серьёзно?

Она. Ага. Они хотят учиться. Не дома у компьютера, а в школьном классе. И чтобы гулять можно было во дворе, когда уроки сделал.

Он. Они всё это время сидят на удалёнке?

Она. Ну да... Ты представляешь, во многих наших городах выросло целое поколение, не знающее, что такое детский сад. Зато эти дети очень хорошо знают, чем отличается звук прилёта «Града» от звука прилёта «Хаймарса».

Он (*качает головой, себе*). Так не должно быть... так быть не должно...

Она. А эти ведь ребяташки очень способные. Видел бы ты, как они рисуют. А какие пишут стихи!.. Если хочешь, я тебе скину несколько ссылок, сам увидишь.

Он. Давай.

Она. Ты, правда, хочешь посмотреть? Если говоришь чисто из вежливости, то не буду.

Он. Нет-нет, скидывай! Я на самом деле хочу посмотреть. Мне интересно.

Она. Хорошо, сейчас пришло... И, Саш, ты только не обижайся, но я спать пойду, ладно? Устала. Завтра поговорим.

Он. Конечно, нет проблем.

Она. Тогда – до завтра.

Он. До завтра

Раздаётся характерный звук – уведомление о прибытии сообщения. Он не отрывая взгляд от экрана смартфона. На видеозэкране экспонируются видеоролики с видами разрушенных зданий, детские рисунки, видеозаписи детей, читающих стихи о Донбасе и др.

Сцена 5

В комнату героя заходят люди в военной форме, старуха, девочка...

Он их видит и в ужасе пятится от них, а они его – нет.

Доброволец. Позывной «Спартак». До того, как попасть сюда, я работал пекарем. У меня была за плечами срочная служба в армии. Служил в войсках ПВО. Было представление об обращении с оружием, но опыта участия в боевых действиях не имел. Теперь всего нахлебался... Есть деревни, где встречают как родных: попить-поесть принесут, женщины одежду стирают. А где-то – скрытые враги. Займём село, вроде всё тихо, а потом по нам прицельный огонь ведут, и бьют метко. Понимаем, что схоронился где-то вражина или ходит возле нас, улыбаясь, а по телефону координаты передает... А вообще – нас тут ждали. Устали люди за восемь лет так жить.

Старуха. Мы надеялись, нас обстреливать не будут – наш посёлок совсем маленький, в нём не было ополченцев. Но они стреляли круглосуточно. Жить в домах было страшно. Мы переселились в погреба. Наверх выходили только в минуты затишья, чтобы проверить состояние жилищ. Брали хлеб, воду, какие-то продукты и бежали опять в укрытие. Многих, кто выбирался из подвалов на улицу, чтобы приготовить поесть – назад уже заносили, без головы... Бывало ползёшь за водой и видишь – то там труп лежит посреди улицы, то там... Когда была возможность, в минуты затишья, трупы относили в больницу, хотя и там тоже было всё разбито. Хоронили без гробов, прямо во дворах домов. Огонь был постоянным... На нервной почве у детей и взрослых начались болячки – у кого-то ноги стали отказывать, кто-то мучился с давлением и сердцем, у детворы началось заикание, энурез. Особенно было жалко детей. Малыши плакали, цепляясь за ноги и одежду родителей: «Мама, мамочка, я не хочу войну»... *(вытирает слёзы)* Господи, боже мой, да когда ж всё это кончится!

Девочка *(прижимая к груди плюшевого медвежонка)*. Меня зовут Кира. Каждый день незнакомые тёти и дяди приносят мне мягкие игрушки – плюшевых собачек, зайчиков и мишек. А ещё зажигают маленькие свечки. Меня убили вместе с мамой. Мы просто вышли погулять в парк... В этом году я пошла бы в третий класс.

Двухсотый. Говорите, страшно, когда «груз двести»? Вначале пугало, а теперь уже всё равно... Страшнее, когда «трёхсотый», когда конечности оторвало, а плоть и сосуды запаяло горячим осколком. Боль нечеловеческая... Такого «трёхсотого» донести нереально. Особенно под бомбежкой. От линии соприкосновения до пункта эвакуации – полтора-два километра. Подъехать на технике нереально – за 7 километров любой ПТУР-щик разглядит в тепловизор... Когда меня накрыло, я, чтоб своих не подставлять,

сказал сразу: «Парни, я – двести, извините». Попытались взять в плен, подорвал гранату.

Девушка-снайпер. Позывной «Лиса». Говорят, это не женское дело – воевать. А я считаю, женщина может быть очень хорошим бойцом... Главное оружие любого снайпера – не снайперская винтовка. Главное оружие снайпера – это страх. Когда работает противник, и раздаётся крик «Снайпер», начинается паника. Наша задача – посеять панику у врага. Кто конкретно нам интересен, ориентируемся на месте. Диверсанты, разведчики, минометные расчёты... Нужно быть очень избирательным в том, по кому ты работаешь. Снайпер, который охотится на пехотинцев, – человек без этики, без чести. Если я увижу идущего по лесу пехотинца, я не буду в него стрелять: он мне неинтересен. Убрав пехотинца противника, я скомпрометирую свою позицию – мне придётся сворачивать боевое задание и уходить. А из-за того, что я ушла, снайпер противника может убить моих братьев по оружию. Поэтому я останусь и буду ждать более выгодную цель, чтобы её уничтожить. Что я чувствую, когда попадаю в цель? Цель поражена. Задание выполнено.

Раздаются звуки автоматной очереди. Герой в ужасе прислушивается. К ним примешиваются звуки выстрелов из других орудий. Герой в панике мечется по комнате. Оглушающий звук взрыва. Герой падает на пол, закрыв голову руками и кричит. Темнота.

Сцена 6

В комнату вбегает отец в пижаме, на ходу завязывая пояс халата.

Увидев лежащего на полу сына, бросается к нему.

Отец. Что случилось? Ты что так орёшь среди ночи?!

Он. Меня хотят убить!

Отец. Что ты несёшь?

Он. Хотят убить! Стреляют!

Отец (*встряхнув сын за плечи*). Ну-ка посмотри на меня! Что ты принимал?

Он. Пусти!

Отец. А ну дыхни! Зрачки покажи!

Он. Пап, да пусти! Ничего я не принимал... (*приходит в себя*) Мне просто кошмар приснился.

Отец (*отпускает его*). Ты совсем уже чокнулся с этими играми своими компьютерными. Опять всю ночь в стрелялки играл?

Он. Да не играл я ни в какие стрелялки! Я что – подросток в стрелялки играть... Просто сон плохой приснился... Тебе что, никогда дурные сны не снились?

Отец. Нет. Мне вообще никогда ничего не снится.

Он. Повезло!

Отец. Если это всё, зачем ты меня разбудил, то я пошёл спать. У меня завтра с утра – совещание.

Он. Па!

Отец (*оборачивается*) Ну чего ещё?

Он. Папа, ты счастливый человек?

Отец. Это ты к чему?

Он. Ни к чему. Просто скажи – ты счастливый человек?

Отец. Что за странный вопрос?

Он. Почему он тебе кажется странным?

Отец. Что это вдруг тебя начали интересовать подобные вещи? Да и сама постановка вопроса какая-то странная... Что ты имеешь в виду?

Он. Я просто спрашиваю – счастлив ли ты?

Отец. Подожди, кажется, я начинаю понимать... Ты обкурился какой-то дрянью?

Он. Почему сразу обкурился?

Отец. Потому что ты бред несёшь! Ты себя со стороны вообще слышишь? Что за допрос?

Он. Почему – бред? Нормальный вопрос. Я что, не имею права знать, счастлив мой отец или нет?

Отец. Это что – розыгрыш какой-то? *(проходит по комнате, выискивая что-то глазами)* Ты меня записываешь, да? Где камера?

Он. Какая камера, папа?

Отец. Я знаю, как сейчас любит развлекаться ваше идиотское поколение... Чуть ли не в сортире себя снимать готовы – и всё в Интернет тащите, чтобы все полюбовались на то, какие вы дебилы! Звёзды ютуба безмозглые, мать вашу!.. Где камера?

Он. Папа, здесь нет никакой камеры! Я тебя не пишу, успокойся!

Отец. Я тебе шею сверну, если ты со мной провернёшь этот трюк! Во всяком случае на моё содержание можешь больше не рассчитывать.

Он. И пожалуйста! Обойдусь! Могу вообще из дома уйти.

Отец. В общагу? Прекрасно, дверь открыта. Ты уже уходил на первом курсе. Я очень хорошо помню, чем закончился этот демарш. Вернулся домой, как только понадобились деньги.

Он. Да я тебя умоляю, папа! Думаешь, я без твоих подачек не смогу прожить?

Отец. Угу, ещё скажи, что ты работать пойдёшь.

Он. И пойду.

Отец. Давай. В службе доставки пиццы тебя заждались. Только имей в виду – того, что ты заработаешь, ни на дурь, ни на девок не хватит.

Он. Про то, сколько на девок хватает, тебе лучше знать.

Отец. Что ты сказал?

Он. Ничего.

Отец. Это что ещё за намёки?

Он. Да, ладно, па! Никаких намёков.

Отец. Ты меня что, подкарауливал где-то?..

Он. Да ну нет же! Просто ляпнул. Чё ты к каждому слову цепляешься?

Отец. Ты на будущее – выбирай выражения!.. Несёшь тут всякую ахинею посреди ночи... Завтра селекторное с утра, а я эту чушь выслушиваю... Потом буду весь день с разбитой головой сидеть...

Он. Пап!

Отец. Ну что ещё?

Он. У нас ведь всё есть?.. Я имею в виду – у нашей семьи есть всё, что нужно?

Отец. Не понял?

Он. Ну, дом – есть... Машины – у каждого... шмотки разные... Ну, там, техника... дача... прибамбасы... Вода в кране течёт круглые сутки...

Отец. Что?

Он. Вода в кране течёт, говорю... нам не надо ползти за ней через всю улицу...

Отец. Куда ползти?

Он. Вот именно, что никуда ползти не надо! Я и говорю – вода в кране есть – никуда ползти за ней не надо!

Отец. Вот теперь ты меня пугаешь.

Он. Нет, пап, представь, что у нас бы вдруг перебили водопровод, и нам пришлось бы ползти за водой через всю улицу.

Отец. Да не хочу я такое представлять! Ты каких-то ужасиков что ли перед сном посмотрелся? Сто раз говорил – смотришь всякую мерзость!

Он. Ничего я не смотрел.

Отец. Смотришь, а потом тебе кошмары снятся... Завтра доклад делать, а я буду как развалина себя чувствовать... Всё, ложись спать!

Он. Спокойной ночи, папа.

Отец. Спокойной ночи!

Он. Пап!

Отец. О, господи! Что? Что на этот раз?

Он. Я, кажется, влюбился.

Отец. О, боже... Поздравляю! *(собирается уходить)*

Он. Спасибо. Ты даже не спросишь, в кого?

Отец. А ты хочешь этим поделиться?

Он. Если бы ты спросил, я бы тебе сказал.

Отец. Я очень тронут твоим доверием, сынок. Но в три часа ночи, ты уж меня извини, я воздержусь от расспросов... Нет, пожалуй, один вопрос задам – надеюсь, это девушка?

Он. Ну, разумеется! Ты за кого меня держишь?

Отец *(облегчённо выдохнув)*. Я просто пытаюсь быть современным отцом.

Он *(ехидно)*. У тебя получается.

Отец. Четвёртый час... ты меня с ума сведешь... селекторное...

Он. Понимаешь, пап, она...

Отец. Вернётся с командировки мать – ей расскажешь...

Он. Пап!

Отец. С этим – к матери...

Он. Да ну подожди же! Давай поговорим!

Отец. Потом...потом... потом... Всё потом... Это не срочно... *(уходит)*

Сцена 7

Спустя несколько дней.

Герой входит в комнату, держа в руках гитару. Сосредоточенно настраивает её.
Делает несколько аккордов на одной струне.
Раздаётся звонок. Хватает трубку.

Она. Привет!

Он. Слава богу, ты позвонила! А то я думал, что не дождусь.

Она. Я раньше хотела. Не было возможности.

Он. А я всё новости смотрел. Думал, мало ли что.

Она. Сейчас новости меняются каждый час.

Он. Неизвестность – это самое противное. Я ненавижу неизвестности!

Она. Согласна. Лучше наверняка знать, что – всё.

Он. И совсем не лучше! Лучше, когда есть надежда.

Она. Когда надежда действительно есть, то лучше. А если надеяться не на что, то лучше знать наверняка.

Он. А как можно определить, что надеяться не на что, если ничего неизвестно?

Она. Такие вещи всегда чувствуешь. Сердце подсказывает.

Он. Всё, не будем про это! Не нравится мне эта тема, она мне настроение портит!..
Давай лучше я тебе сыграю что-нибудь. *(Берёт гитару)* Я, правда, не бог весть как хорошо играю...

Она. Как мило! А что ты мне сыграешь?

Он. А что ты хочешь?

Она. Не знаю. На твой выбор.

Он. Ну, давай... Только не кидайся сразу тапками, ладно?

(Начинает играть «Мишель» Битлз и, пропуская некоторые слова и заменяя их на «у-у-у» пытается петь по-английски).

Он *(заметив, что девушка плачет).* Эй, ты чего! Не плачь, пожалуйста!

Она. Извини...

Он. Я не хотел тебя расстраивать.

Она. Ты меня не расстроил... Просто... сама не знаю, почему плачу...

Он. Ты не плакала даже тогда, когда рассказывала про смерть матери.

Она. Знаешь... я каждый день, как в броне... а потом случается какая-нибудь мелочь – и слёзы ручьём... Ничего не могу с собой поделаться... Ты, кстати, очень хорошо поёшь...

Он. Да ну, скажешь тоже...

Она. Мне понравилось.

Он. Я рад.

Она *(улыбается сквозь слёзы).* Видишь, я больше не плачу...

Он. Если бы ты сейчас была близко, я бы тебя обнял...

Она. Не надо, Саша.

Он. Почему?

Она. Не привязывайся ко мне. Тебе будет тяжело.

Он. С тобой ничего не случится! Я тебя оттуда заберу.

Она. Нет... нет...

Он. Если ты не хочешь уезжать, тогда я сам к тебе приеду.

Она. Нет, не приезжай. Здесь опасно, я буду за тебя тревожиться. А так у меня никого не осталось – и мне спокойно.

Он. Зато мне неспокойно!

Она. Когда-то же всё это закончится...

Он. Когда?

Она. Не знаю... Всё рано или поздно заканчивается... любая война... И эта тоже закончится...И тогда ты приедешь. И я покажу тебе Донецк. Наш драмтеатр. У нас очень хороший театр, тебе бы понравился! Свожу тебя в парк кованных скульптур, там красиво... У нас даже памятник ливерпульской четверке есть, представляешь?

Он. Серьёзно? Битлам?

Она. Ага... Я тебе его покажу... И покажу своего мамонта... Что ты молчишь?

Он. А что ты хочешь, чтоб я сказал? «О'кей, посижу-подожду, пока закончится война. А потом приеду к тебе посмотреть достопримечательности».

Она. Я не хотела тебя обидеть.

Он. Ты здесь не причём. Я чувствую, что должен что-то сделать, а что – не знаю... Пока не знаю...

Она. Ты не должен делать ничего, о чём можешь потом пожалеть.

Он. Можно пожалеть и в том случае, если ничего не сделал.

Она. Опять грохочет. Мне пора спускаться в подвал.

Он. Он крепкий – этот подвал? Он из чего – из бетона? Надёжный?

Она. Бегу! Позвоню при первой...

Раздаётся свист, затем – оглушительный грохот. Связь прекращается.

Герой некоторое время находится в оцепенении.

Он (схватив руками за голову). Господи!.. Господи, не дай ей умереть!.. Только не она... ну, пожалуйста, только не она!.. Я прошу тебя, Господи!.. Пусть она выживет... Ну, пожалуйста, пусть она выживет!.. Я всё, что угодно сделаю, только умоляю, помоги ей выжить!..

За стеной раздаются обрывки новостной ленты включенного на всю катушку телевизора: «Зафиксирован обстрел Куйбышевского района Донецка со стороны вооруженных формирований Украины. ВСУ выпустили по жилому массиву восемь снарядов натовского калибра...», «Российские штурмовые подразделения перешли в активное наступление в ряде районов Артемовска. Контроль над городом позволит Вооруженным силам России наступать вглубь Украины...», «В рамках военной помощи Британия будет поставлять на Украину боеприпасы с обеднённым ураном...», «Свыше 100 тыс. абонентов в шести районах Донецка остались без электричества из-за обстрела украинских военных...».

Новости заглушает песня «Michelle» («TheBeatles»).

Занавес.